

- Земля Ямал* : альбом ямальских экспедиций В. П. Евладова. М., 1998. 184с.
- Магидов В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М., 2005. 394 с.
- Перевалова Е. В. Экскурсия Б. Н. Городкова и Г. М. Дмитриева-Садовникова в долину реки Вах в 1913 году // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3. С. 121–134.
- Рябинин Б. Красный фотограф // Уральский следопыт, 1961. № 5. С. 33–37.
- Салымский край. Научно-художественное издание. Екатеринбург, 2000. 344с.
- Anderson D., Campbell C. Picturing Central Siberia : the Digitization and Analysis of Early Twentieth-Century Central Siberian Photographic Collections // *Sibirica*. 2009. Vol. 8, N. 2, Sum. P.1–42.
- Edwards E. Introduction // *Anthropology & Photography 1860–1920* / ed. Elizabeth Edwards. N. Haven ; London, 1992. P. 3–17.
- Endangered images of ethnicity and religion in Western Siberia in the late 19th to early 20th centuries EAP368 [Electronic resource]. URL: http://eap.bl.uk/database/overview_project.a4d?projID=EAP368;r=29358 (дата обращения: 23.08.2011).
- Glavatskaya E. The Polar Urals' religious landscape in the 1920's Images in the photographic collections of the Urals State Archive (GASO) // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2009. N. 57. P. 205–220.
- Kaplan Flora S. 1990. Some uses of Photographs in Recovering Cultural History at the Royal Court of Benin, Nigeria // *Visual Anthropology*. 1990. [N] 3. P. 317–341.
- Mydin I. Historical Images – Changing Audiences. In: *Anthropology & Photography, 1860–1920*. P. 249–253.
- Scherer J. Historical Photographs as Anthropological Documents : a Retrospect // *Visual Anthropology*. 1990. Vol. 3. P.131–155.

Статья поступила в редакцию 05.09.2011 г.

УДК 009 + 80 + 82

В. Л. Удалов

ПРОБЛЕМЫ ТОЧНОСТИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ДРУГИХ НАУК

Исследуются возможные пути решения проблемы точности литературоведения и других наук, рассматриваются условия, обеспечивающие научную точность. Доказывается, что литературоведение, как и другие науки, объективно может и должно быть точным качественно, или терминологически.

К л ю ч е в ы е с л о в а : наука; методология; точность; литературоведение; целостно-системный подход; типология.

Проблема точности/неточности литературоведения тесно связана с актуальным и по сегодняшний день вопросом классификации наук. Напомним, что долгое время, особенно в XX в., анализ науки и научного познания проводился по «модели» естественно-математического знания. «Характеристики последнего считались свойственными науке в целом как таковой, что особенно наглядно

выражено в натуралистическом сциентизме» [Основы философии..., с. 60]. Отсюда возникло деление наук на естественные, технические и общественно-гуманитарные. Первые две из них, пользующиеся математическими методами и подтверждающие свои выводы экспериментами (конкретными), количественными расчетами и вычислениями, были объявлены точными, тогда как общественно-гуманитарные науки, и литературоведение в том числе, были признаны заведомо неточными.

Уже из приведенных соображений видно, что дело тут не в самих науках как отдельных явлениях, а в точности или неточности их научно-методологических основ, иначе говоря, в качестве научной методологии, ее терминологического аппарата, и в частности в уровне понимания самих понятий «математика», «математичность», «объективность» и т. д. Это касается каждой науки, в том числе и литературоведения, и в первую очередь такой его составляющей, как теория литературы.

Рассмотрим эти вопросы подробнее. Еще в 1960-е гг. констатировалось: «Литературоведы до сих пор лишены “окончательной” терминологии, “твердых” принципов анализа» [Вопросы литературы, с. 12]. Д. С. Лихачев пытался защищать мысль, что действительно есть точные и, в принципе, неточные науки, к которым, в частности, относится литературоведение. В известной своей статье «Еще о точности литературоведения» (1979) он писал: «В литературоведении есть своеобразный комплекс собственной неполноценности, вызываемый тем, что оно не принадлежит к кругу точных наук. Предполагается, что высокая степень точности в любом случае служит признаком “научности”» [Лихачев, с. 195]. Стремясь вместе с тем уточнить, когда литература и литературоведение все же точны и где, по каким причинам неточны, Д. С. Лихачев объяснял: «Все попытки создать точную методику исследования в литературоведении так или иначе связаны со стремлением формализовать материал литературы... Формализация становится недопустимой только тогда, когда она насильно приписывает материалу ту степень точности, которой он не обладает и по существу своему не может обладать... Что же в литературе не может быть формализовано, где границы формализации и какая степень точности допустима?... Художественное творчество “неточно” в той мере, в какой это требуется для сотворчества читателя, зрителя или слушателя. Потенциальное сотворчество заложено в любом художественном творчестве» [Там же, с. 197]. Отсюда и конечный вывод: «Если расположить весь куст литературоведческих дисциплин в виде некоей розы, в центре которой будут дисциплины, занимающиеся наиболее общими вопросами интерпретации литературы, то окажется, что, чем дальше от центра, тем дисциплины будут точнее. Литературоведческая “роза” дисциплин имеет некую жесткую периферию и менее жесткую сердцевину» [Там же, с. 198]. К точной, «жесткой периферии» он относил дисциплины, которые сопутствуют литературоведению: литературное источниковедение, литературную археографию, историографию, библиографию, стихосложение и т. п. В таком случае собственно «неточными» оказывались основные дисциплины: литературная критика, история литературы и теория литературы (четвертую основную дисциплину, т. е. методологию, в тот период в состав литературоведения не

включали, в чем, кстати говоря, проявлялось искусственное обособление, надуманная «оторванность» наук друг от друга на том уровне, где объективно имеет место их внутренняя общность).

Сейчас уже несложно увидеть, что в основе сделанных в 60—80-е гг. выводов лежат приблизительные соображения, взятые из области субъективного восприятия исследуемых объектов («жесткая», «менее жесткая», «сердцевина», «роза»). Если предположить, что вообще все удаленное от эмпирии (конкретной чувственности) и математики (цифровой, конечно) является неточным, расплывчатым, приблизительным, то окажется, что предельно неточными и потому особенно сомнительными выглядят вообще любые объективные, но не конкретно-цифровые закономерности. Тем более это касается всеобщих объективных принципов и законов самой действительности, таких как материя (двух основных типов), строение и развитие, количество и качество, мера и степень, содержание и форма, направление, сущность и форма проявления, ступенчатость, возможность и необходимость, конечное и бесконечное, конкретное (телесное, вещественное) и абстрактное (диастольное, разреженное), часть (показатель одной стороны, одной из противоположностей) и целое (ступенчатое единство противоположностей), а в конечном счете — и сами природа (как основа) и бытие всего, что есть, т. е. действительности (в переводе с гр. «двойко существующее живое»). Так неужели все эти и другие всеобщие (везде, во всем, всегда действующие) закономерности действительности следует считать «неточными», а значит, неестественными, нереальными и потому сомнительными, надуманными? Может, и мы тогда как бы не существуем да и самой действительности нет?..

Или все же логичнее признать, наконец, обратное, именно то, чему долгое время в XX в. отказывали в существовании, — признать, что «истина» (онтологическая прежде всего) не есть только конкретная и всегда частичная, только чувственно воспринимаемая. Стоит признать, что «понятие конкретной истины утратило бы всякий смысл, если бы не было ее противоположности, т. е. абстрактной истины» [Ойзерман, с. 439], что часть утрачивает смысл, когда игнорируется целое.

Такого признания требует учет практического действия всех всеобщих объективных принципов, в том числе принципа целостности (единства противоположностей), отсюда учет того объективного факта и явления, что абстрактное — это отвлеченное от конкретного и множественного, т. е. в основе лежащее и их связующее. Следствием будет и то, что истина есть не только онтологическая (бытийная), но и гносеологическая (познавательная), которая, в свою очередь, бывает частичной и целостной, частично-системной (односторонней, поверхностной, субъективированной) и целостно-системной, т. е. объективной, природной, естественной, которая учитывает объективное наличие взаимосвязанных (соотносительных и взаимодействующих) противоположностей.

Следующей причиной ошибочных представлений о точности/неточности литературоведения оказывается нередко встречавшаяся в былые времена так называемая подмена понятий или, шире, подмена оснований. Скажем, выводить

неточность литературоведения из имеющего место в литературе расчета на соавторство, сотворчество читателя, зрителя, слушателя — это как раз и есть подмена понятий. Во-первых, учет сотворчества имеет место не только в литературе и науке о литературе, а в любой науке и в любом искусстве. Во-вторых, сотворчество — это уже иная сфера, не сама по себе литература и наука, а их восприятие (т. е. не внутренняя, а внешняя по отношению к ним сфера), где есть свои уровни и ступени качества. В-третьих, именно с уровнем качества восприятия избранных объектов, присущего не иначе как субъектам науки (причем опять-таки не только науки о литературе, а вообще любой науки), непосредственно связана степень качества (или точность/неточность) отдельных исследований и самой науки в целом. В-четвертых, решение вопроса упирается в выяснение степени качества тех базовых оснований, что лежат исторически и фактически в основе определенной науки и всех наук, т. е. в выяснение степени качества их методологических корней.

В результате винить в таком случае следует не ученых или писателей, не отдельную науку (например, литературоведение) и не художественную литературу, а качество избираемой методологии — литературоведческой и вообще научной. Восприятие и его методология бывают неточными тогда, когда в основе их лежит использование неточного познавательного аппарата, неточных познавательных и онтологических категорий и понятий. Неточных в том смысле, что они частичны, не адекватны природе, не гармонируют с имманентными законами объектов, принципами существования и развития действительности.

Проявления субъективизма в науке свидетельствуют о том, что неточности зависят от качества мировоззренческого, философского, методологического восприятия объектов исследования — физических, математических, химических, биологических, социальных, политических, литературных и т. д. Речь идет прежде всего о качестве не общей (избирательной, относительной), а именно в с е о б щ е й методологии, ибо есть не только «общее», но и «всеобщее», лежащее в его основе [Философский словарь, 1986а, с. 140], а не наоборот, как это часто представляют [подробнее см.: Удалов, Полежаева, с. 26—32]. Есть не только «относительное», но и «абсолютное», не только «конечное», но и «бесконечное», а также и гармоничное взаимодействие между всеобщими объективными принципами, законами объективной и субъективной действительности. Поэтому всеобщая методология — замечают ее или нет — непременно лежит в той или иной степени (даже бесконечно малой) в основе мышления, познания, поведения и деятельности любого субъекта, ибо субъект всегда тоже часть действительности (всего, что есть) как объекта.

Всеобщая методология пока еще нечетко усвоена, выглядит недостаточно объективной в нашем восприятии, недостаточно целостна и системна, что неизбежно снижает качество наук. Существенная причина этого в том, что мы все живем в «переходный период», которому уже полстолетия: от частично-системного уровня методологии научных исследований и соответственно мировоззрения — к апогейному, или целостно-системному, уровню, адекватному целостно-системной природе действительности. Не удивительно, что есть мно-

го неточностей не только в науке о литературе, но и во всех остальных науках, как естественных, так и, например, в философии, что вызвано нередко игнорированием принципа органичности в пользу механистичности, принципа объективности в пользу субъективности, принципа взаимосвязи в пользу односторонней связи.

Реальный путь к математической точности — в повышении качества понимания и использования принципов объективного познания, или всеобщей для всех наук методологии, осмысление ее как природной, целостно-системной и перспективно значимой. Все науки, в том числе литературоведение, могут и объективно должны быть математически точными.

Отвечая на вопрос, как этого достигнуть, важно учитывать, что математика и математическая точность, согласно своей природе, бывают различными. Об этом писал еще выдающийся французский математик Анри Пуанкаре (1854—1912) [см.: Пуанкаре, с. 8—9]. Значительно раньше его Аристотель детально объяснил, что понятия «формализация», «математика» и «точность» имеют две противоположные формы проявления (как результат действия принципа бинарности): они бывают соответственно количественными (квантитативными) и качественными (квалитативными) [об этом см. подробнее: Визгин]. И каждая наука всегда использует оба проявления математики, а также оба вида точности — количественную (цифровую) и качественную (терминологическую). Использование это происходит с учетом всеобщего принципа доминанты (преобладания) одной или другой противоположности, что, однако, не нарушает наличия их взаимосвязи.

Преобладающее использование в естественных науках квантитативного (количественно-математического) метода и аппарата широко известно. Что касается гуманитарных наук, в том числе литературоведения и языкознания, пока мало учитывается, что объективно (независимо от субъектных желаний) их научный аппарат преимущественно квалитативный, или терминологический, но с разной степенью качества терминов. Хотя «Дильтей доказывал самостоятельность предмета и метода гуманитарных наук по отношению к естественным (одни “изучают жизнь природы”, другие “науки о духе” — жизнь людей)» [Основы философии..., с. 487], все равно абсолютной самостоятельности, обособленности тут быть не может в силу уже отмеченных всеобщих причин: жизнь природы и жизнь людей теснейшим образом взаимосвязаны. Как и всюду, здесь тоже действует принцип доминанты, преобладания. «Социальное познание ориентировано преимущественно на качественную сторону изучаемой им действительности... Поэтому удельный вес количественных методов здесь намного меньше, чем в науках естественно-математического цикла... Как бы широко математические методы ни использовались в гуманитарных науках, они для них остаются все же вспомогательными методами, но не главными» [Там же, с. 522—523].

Обратим внимание, что степень качества терминологии бывает разной и в литературоведении, и в науках из сферы самого познания и мышления, т. е. в гносеологии, логике, философии:

— исторически приближительная, отдаленная от точности (объективной адекватности), т. е. частично-системная;

— в чем-то уже целостно-системная, или точная, когда достигается адекватность в понимании природы самого объекта.

Как достичь апогейной, качественно-математической точности научного аппарата? Поскольку в конечном счете этот аппарат состоит из слов и терминов, то это подсказывает необходимость сравнения их между собой.

Слова, как известно, многозначны, отсюда очень часто в нашей речи возникают недоразумения. В науке «люди не понимают друг друга потому, что они не говорят на одном и том же языке», — справедливо писал Анри Пуанкаре, имея в виду язык слов, их смыслов, значений, язык научных взглядов [Пуанкаре, с. 616]. Термины же, напротив, однозначны по смыслу, а потому обладают качественной (качественной) четкостью значения и функции, т. е. они математически точны. Таким образом, спасение и перспективное развитие всех наук — естественных, технических, философских, гуманитарных, в том числе и литературоведения, заключается в повышении качества их научной терминологии.

Для непосредственного достижения математичности (синоним точности) качественного научного аппарата существует опять-таки два способа. Они противоположны (а не противоречивы) и дополняют друг друга.

Об одном из них писал Рене Декарт: «Определяйте значения слов, и вы избавите мир от половины его заблуждений». Таким образом, существо вопроса — в превращении «слов» в «термины» и в уточнении смысла имеющихся научных терминов, в избавлении их от поверхностных, частичных значений, в доведении их до целостности. Это первый прием достижения точности в любой науке, в частности в гуманитарной.

Теперь о втором приеме. Если учесть, что объект как целое — это единство противоположностей и нам, например, известна одна из сторон целого, то, по логике, должна быть и вторая, противоположная первой на их общем «основании». Поскольку первый способ (корректировка значения) связан с внутренней стороной «слов» (внутренняя сторона — это «основание» их значения), то можно предположить, что второй способ, противоположный, будет связан с корректировкой внешней стороны слов или их взаимосвязи.

В самом деле, «слова» как вербальная форма мысли не существуют отдельно, как и тела, вещи, явления, приемы, законы, принципы. Они всегда взаимосвязаны, имеют связи — внутренние и внешние. Об этом знали уже в Древнем Китае, Древней Индии. Знал это и Аристотель, который писал: «Противоположности суть начала существующего», «Следует мыслить себе как единое двойку» [Аристотель, с. 77, 276]. Данные факты подсказывают второй способ достижения точности: определяйте взаимосвязи между словами и терминами, и вы избавите мир от второй половины его заблуждений.

Приведем лишь несколько примеров. Категорию «целое» понимают в философии обычно как совокупность (частей, элементов), хотя при этом учитывается лишь формальная, внешняя, механистическая связь, которая охватывает лишь часть объектов (и в этом «частичность» самого определения). Объекты же есть и организмические, для которых главное — внутренние связи, теснейшие, взаимопроникающие [см.: Алексеев, Панин, с. 391–392]. Отсюда и

само целое — в конечном счете, на уровне сущности — обнаруживает себя как единство противоположностей.

«Структуру» и «систему» также не всегда различают на уровне их сущности: «структуру» — как доминирующее соотношение частей и элементов в объекте и «систему» — как доминирующее взаимодействие этих частей, элементов. Сущностные определения именно таковы, потому что «соотношение» и «взаимодействие» — два противоположных вида взаимосвязи, которая выражает собой их единство [Философский словарь, 1986б, с. 64], а не, как иной раз пишут, «признание взаимодействия и взаимозависимости» [Там же, с. 199], поскольку тогда игнорируется «соотношение», которое тоже «отражает взаимозависимость» [Там же, с. 74]. И таких неточностей в определении взаимосвязей между терминами в современной философии пока еще много. Есть и не использованные ею, во многом упущенные возможности, в частности принципы доминанты, перерыва постепенности, скачка и др.

Приведем теперь примеры из теории литературы, которая, вслед за всеобщей методологией, также нуждается в качественном уточнении. Художественный образ одни филологи привыкли определять как конкретную картину жизни (Г. Л. Абрамович, П. К. Волынский), другие — как обобщенную (Г. Н. Поспелов), а третьи — одновременно как конкретную и обобщенную картину действительности (Л. И. Тимофеев, В. М. Жирмунский, Н. А. Гуляев). Однако лишь последний взгляд есть объективный и целостно-системный, что четко доказывается на единичном и всеобщем уровнях — не только фактами из литературы, но и гармонией взаимодействия всеобщих закономерностей. При этом следует помнить, что в одних образах доминирует конкретное над обобщенным, а в других — обобщенное над конкретным. В результате одни образы оказываются повернутыми к нам полностью конкретной стороной (пример из Пушкина: «В роще сумрачной, тенистой...»; из Шевченко: «Садок вишневый коло хати...»), другие — полностью обобщенной (пример из Лермонтова: «Мы пьем из чаши бытия...»; из Гете: «Все быстротечное — символ, сравненье, Цель бесконечная здесь в достиженьи...»), третьи же — обеими сторонами с той или иной частичной доминантой (в большинстве произведений мировой литературы есть образы, имеющие обе стороны одновременно, при этом в одних видна доминанта конкретики над обобщением, а в других — доминанта обобщения над конкретикой).

Поскольку в каждом произведении есть художественные образы и находятся они в столкновении, то этим самым задаются конфликты (или коллизии). И это столь же объективно и точно, как бы ни старались доказывать (при механистическом подходе), что в одних произведениях конфликты (или коллизии) есть, а в других они отсутствуют. На самом деле и в этих «других» произведениях присутствуют конфликты, но конфликты иного рода.

Чаще всего литературные персонажи конфликтуют друг с другом или с окружением, что составляет две разновидности характерно-обстоятельного типа конфликта. Прямой противоположностью данному типу становится тип обстоятельно-характерного конфликта, в котором просматривается уже иная доминанта: окружающая природная среда

(обстоятельства) мстит герою, «отвечает по заслугам» незадачливому персонажу, который ни в чем не признает гармонии или соразмерности.

Следует учитывать еще два типа «исходного» конфликта. Первый из них — в н у т р и х а р á к т е р н ы й (примеры — миниатюра И. Тургенева «Близнецы» или басня И. Крылова «Зеркало и обезьяна»: «Чем кумушек считать трудиться, / Не лучше ль на себя, кума, оборотиться»). Второй — в н у т р и о б с т о я т е л ь с т в е н н ы й конфликт, возникающий из столкновений в сфере самих обстоятельств, законов, условий, природных сил и т. п. Примеры в пословицах: «Кто учится на своих ошибках, ходит в темноте» (конфликтующие силы — *кто учится* и *свои ошибки*, а результат их связи и столкновения — *ходит в темноте*); «Как аукнется, так и откликнется» (обстоятельственные конфликтующие силы подчеркнуты, а характер их связи — *Как... так*). Примеры в афоризмах: «Щелкни кобылу в нос — она махнет хвостом», «Не в совокупности ищи единства, но более — в единообразии разделения» (Козьма Прутков); «Литература — лекарство для души» (Плиний Младший).

Более того, наряду с выделением четырех видов конфликта столь же четко и последовательно должна быть осуществлена типология сюжетов и жанров, проблематики и художественных «идеалов», равно как и «родового деления литературы».

Итак, как мы могли убедиться, точность/неточность во всех науках, в том числе и в литературоведении, зависит исключительно от уровня (или качества) методологии. Все науки постепенно переходят от частично-одностороннего к целостно-системному уровню развития, к адекватному отражению объективной и субъективной действительности. Как и другие науки, литературоведение может и должно стать точным в качественном, или терминологическом, отношении.

Алексеев П. В., Панин А. В. Философия : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999.

Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1. М., 1972.

Визгин В. П. Генезис и структура квалитативизма Аристотеля. М., 1982.

Вопросы литературы. 1967. № 9.

Основы философии науки : учеб. пособие для аспирантов / В. П. Кохановский, Т. Г. Лешкевич, Т. П. Матяш, Т. Б. Фатхи ; отв. ред. В. П. Кохановский. Ростов н/Д, 2004.

Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. Л., 1981.

Ойзерман Т. И. Существует ли абстрактная истина? // *Субъект, познание, деятельность.* М., 2002. С. 417–440.

Пуанкаре, Анри. О науке : пер. с фр. / под ред. Л. С. Понтрягина. 2-е изд., стер. М., 1990.

Удалов В. Л., Полежаева Т. В. Принципы частично- и целостно-системных исследований. Киев ; Луцк, 2010. (На укр. яз.)

Философский словарь : А–Я / под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М., 1986а.

Философский словарь / под ред. В. И. Шинкарука. 2-е изд., перераб. и доп. Киев, 1986б. (На укр. яз.)

Статья поступила в редакцию 28.10.2011 г.